

Непривычно без поцелуев

Мо Янь никогда ни о ком не заботился. С самого рождения его окружали слуги, готовые исполнить любой его каприз. Он был в центре всеобщего внимания и не то что не умел ухаживать за другими — он даже не знал, что такое чуткость и внимание.

Не зря праведные секты говорили, что в диких землях демонов рождаются лишь дикари. Он и вправду не знал их правил и этикета. Свободный и необузданный, он умел только драться. Весь клан Демонов отличался суровым нравом.

Но теперь ему пришлось сменить свой характер и прилежно учиться заботе, потому что тело Лю Чжэчжи было до смешного хрупким — дотронешься посильнее и, кажется, он рассыплется.

Сам Мо Янь проспал полмесяца, прежде чем очнуться. Лю Чжэчжи же не подавал никаких признаков пробуждения. Под его бледной, почти прозрачной кожей можно было видеть, как циркулирует демоническая ци. Хоть она и не могла восстановить его меридианы, но понемногу выводила застоявшуюся кровь, что могло ускорить пробуждение.

Так и вышло, что если раньше Мо Янь целыми днями страдал от издевательств Лю Чжэчжи, то теперь он целыми днями его охранял. Заметив капельку крови на его бескровных губах, он исполнялся надежды. Ожидая, пока отрастут сорванные чешуйки, он то и дело подползал и краешком одежды Лю Чжэчжи стирал эту кровь.

Крошечный змей размером с ладонь, с кровоточащим хвостом, упорно ползал по дворцу в поисках чистой ткани, чтобы вытереть кровь. Иногда он приносил воду, обвив хвостом чашку, и подносил её к губам Лю Чжэчжи, пытаясь напоить его и разбудить.

За всю свою жизнь Мо Янь не чувствовал себя таким несчастным. Поначалу он то и дело ругался, но со временем перестал. Большую часть времени он лежал рядом с Лю Чжэчжи, восстанавливая силы и глядя на его худеющее с каждым днём лицо, погружённый в свои мысли.

И это при том, что рядом был он. Пусть в обличье змея он и не мог сделать многого, но это было лучше, чем ничего. Если бы он случайно не оказался здесь, Лю Чжэчжи остался бы умирать в полном одиночестве. Это было бы слишком жестоко.

Поначалу, видя, что Лю Чжэчжи лишился всех своих сил, он насмехался над ним. Но неизвестно с какого момента, чем больше он смотрел, тем сильнее его жалел.

Дни сменяли друг друга. Весна уступила место осени. В мгновение ока прошёл год. Мо Янь мог бы забрать меч Цинъюнь и уйти на границы Царства Демонов, где было больше демонической

ци для исцеления, но он медлил.

Пик Облачного Бамбука был богат духовной энергией. Иногда он выползал из дворца, чтобы впитать её. Раны ещё не зажили, и он не мог поглотить много, но он упорствовал, а затем отдавал всё Лю Чжэчжи.

Незаметно для себя он привык поддерживать жизнь в Лю Чжэчжи. Возвращение в Царство Демонов и месть уже не казались такими срочными. Всё это было не так важно, как ожидание пробуждения Лю Чжэчжи.

Когда Лю Чжэчжи издевался над ним самыми странными способами, он был в ярости. Теперь же, когда тот тихо спал, не мучил его, не донимал своими поцелуями и не шептал на ухо всякую чепуху, ему стало непривычно. От нечего делать он даже начал сам таскать кисть и рисовать на бумаге каракули.

Сам Мо Янь считал это каракулями, но, закончив, всматривался и находил что-то знакомое. Хоть и небрежно, но в линиях угадывались очертания бровей и глаз Лю Чжэчжи.

Целыми днями он охранял его, не сводя с него глаз. Он не только не устал от этого зрелища, но и находил Лю Чжэчжи всё более и более красивым. Свои же рисунки он презирал и, поймав зубами, рвал на мелкие кусочки.

Потому что они не передавали и тысячной доли его красоты.

Лю Чжэчжи проспал так два года. Мо Янь охранял его два года. Поначалу он презирал излишне изысканный и сдержанный интерьер дворца, но теперь совершенно привык к нему, словно сам был его хозяином.

В день первого зимнего снега Мо Янь, зажав в зубах кисть, сосредоточенно рисовал у окна, как вдруг услышал тихий, хриплый шёпот.

— Змейка...

«Щёлк!»

Кисть упала на бумагу, испортив почти законченный портрет. Но Мо Яню было всё равно. Он замер на мгновение, глядя в сторону кровати, а затем стремительно пополз туда.

Снег за окном отражал свет, и он был слишком ярким. Лю Чжэчжи только что очнулся и, не привыкший к свету, нашёл его ослепляющим. Он с трудом открыл глаза и обвёл взглядом комнату. Не увидев нигде своего маленького змея, он помрачнел.

— Змейка... ушёл?..

Он не винил змейку за уход. Перед тем как уснуть, он сам сказал ему, что если он захочет уйти, то может забрать его меч жизни. Он проспал так долго, и его уход был понятен. Но мысль о том, что он снова останется один, наполнила его сердце тоской.

Лю Чжэчжи лежал неподвижно. Он не знал, что ему делать.

Змейка ушёл. Больше не нужно было проверять, не похудел ли он, не голоден ли. Даже наставлять в совершенствовании больше было некого. Даже если он встанет, ему будет нечего делать. Лучше уж лежать здесь. В конце концов, на этом огромном Пике Облачного Бамбука он был совсем один.

В его сознании проносились образы техник и приёмов с мечом, мелькали воспоминания о пятистах годах, проведённых в этом мире после попадания в книгу, когда он изо всех сил старался избегать людей. Но для Лю Чжэчжи всё это не имело значения. Лишь ничего не значащие воспоминания.

Вдруг он почувствовал лёгкую щекотку на подбородке, словно кто-то лизнул его.

Поначалу Лю Чжэчжи не обратил внимания, но прикосновения повторялись одно за другим. Он почувствовал неладное и опустил взгляд с балдахина кровати. Прямо перед ним была пара чёрных как смоль вертикальных зрачков и розовый змеиный язычок, который то и дело высовывался, издавая шипение.

— Змейка?!

Это был первый раз, когда Мо Янь видел столь явный всплеск эмоций у Лю Чжэчжи. Его прекрасные глаза феникса заметно посветлели, засияв, как ночные звёзды. Именно это, наверное, и описывали в книгах как «сияющие, словно звёзды».

Они были не просто красивы — в них отражалась живость и волнение, которых почти никогда не было у Лю Чжэчжи.

— Змейка не ушёл? Ждал, пока я проснусь? Да?

Лю Чжэчжи спросил несколько раз, и Мо Янь отчётливо почувствовал его радость. На мгновение он и сам невольно улыбнулся.

Он открыл пасть, высунув язычок, и радостно улыбался, как вдруг его язычок зажали два пальца.

— Всё такой же мягкий, такой милый. Какой же ты послушный, змейка.

Лю Чжэчжи слегка сжал его и отпустил. На этот раз, казалось, не ради забавы, а просто чтобы убедиться, что это не сон.

Он вдруг стал вести себя как нормальный человек, не кусая и не играя с его язычком. Мо Янь немного растерялся. Он просто лежал, пока тот гладил его по голове кончиками пальцев и без конца хвалил, но что-то казалось неправильным.

— Змейка, почему ты совсем не вырос за это время? И чешуя у тебя какая-то странная. — Лю Чжэчжи провёл рукой по его телу от головы до хвоста и, добравшись до хвоста, почувствовал, что ощущения не те. — Почему чешуйки на хвосте такие мягкие?

Они были новые, только что отросшие, и, естественно, мягче старых. Но Лю Чжэчжи не знал, что Мо Янь сделал для него. Он лишь гладил его и размышлял вслух:

— Может, пришло время линьки? После линьки чешуя становится мягче?

Он не разбирался в повадках змей — это была одна из немногих областей, в которых он был несведущ. Ему было любопытно, и он погрузился в раздумья.

Вот только размышлять ему постоянно мешали. Змейка то щекотал его подбородок кончиком хвоста, то подползал к его губам и шипел, высывая язык. Он всё время крутился у его подбородка и губ, словно намеренно привлекая внимание.

— Что такое, змейка? Голоден?

Лю Чжэчжи протянул палец, чтобы накормить его кровью, но Мо Янь отшвырнул его хвостом.

«Какого чёрта! Твоё тело и так на пределе!»

«Я с таким трудом поддерживал в тебе жизнь, так что, чёрт возьми, береги её!»

— Хм... не голоден? — Лю Чжэчжи слегка нахмурился. Он долго думал, но так и не смог понять причину. В конце концов, он решил сдаться.

«Змейка такой умный. Если что-то случится, он обязательно даст мне знать».

— Змейка, ты скучал по мне? — Лю Чжэчжи не ожидал ответа, просто хотел спросить. Спросив, он наклонился к змеиной голове. — Поцелую змейку, чмок-чмок...

Всё те же знакомые движения, тот же извращенец. Он целовал его от головы до живота. Мо Янь смотрел на него с презрением и мысленно ругался.

Но тело его не двигалось. Он позволял себя целовать.

Более того, он даже невольно вздохнул с облегчением и перестал щекотать его подбородок и губы кончиком хвоста.

«Вот, так-то лучше. Именно так».

«Тц, Лю Чжэчжи, ты всё-таки извращенец».

<http://bllate.org/book/16980/1585526>